

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

И.В. Чельцов

О павликианах

Опубликовано:

Христианское чтение. 1877. № 3-4. С. 494-551.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Издательство СПбДА
Санкт-Петербург
2010

О павликіанахъ.

(Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ годичномъ собраніи С.-Петербургской Духовной Академіи 18-го февраля 1877 года заслуженнымъ ординарнымъ профессоромъ Академіи П. В. Чельцовымъ).

*Высокопреосвященнѣйшіе Архипастыри и
милостивые государи!*

Извѣстія о распространеніи въ нашихъ южныхъ епархіяхъ секты шундистовъ и печатные толки о нормальныхъ отношеніяхъ государственной власти къ сектантамъ дали мнѣ мысль предложить вашему просвѣщенному вниманію давнюю исторію—о павликіанахъ.

Въ 657 году одинъ греческій дьяконъ, спасаясь бѣгствомъ изъ Сиріи отъ сарацинскаго плѣна, достигъ населенной христіанами пограничной сарацинской деревни Мананали, принадлежавшей къ самосатскому округу армянской области, и здѣсь нашелъ себѣ добросердечный и надежный пріютъ въ домѣ укрывшаго его крестьянина Константина. Спустя нѣсколько времени, прощаясь съ своимъ гостепріимнымъ хозяиномъ и отправляясь чрезъ границу—въ греческія владѣнія, на свою родину, счастливый бѣглець подарилъ ему свою единственную драгоценность, сбереженную среди всѣхъ опасностей мусульманскаго ига, именно двѣ книги: Евангеліе и Апостоль, словомъ сказать—Новый Завѣтъ. Грамотенъ ли былъ и прежде Константинъ по какому нибудь особенному обстоятельству, или выучился грамотѣ у тогоже діакона, пока тотъ у него укрывался, это не извѣстно; только онъ вполне понималъ цѣнность сдѣ-

даннаго ему подарка и съ увлеченіемъ весь отдался чтенію попавшихъ въ его руки священныхъ книгъ. Припомните, мм. гг., свойственныя тому времени рѣдкость книгъ, отсутствіе народныхъ школь, малочисленность сельскихъ церквей, отдаленность отъ нихъ какихъ нибудь заброшенныхъ въ захолустье деревенекъ, возьмите кромѣ того во вниманіе положеніе христіанъ подѣ мусульманскимъ игомъ, и вы легко поймете, какое въ самомъ дѣлѣ счастье и какой восторгъ наполняли душу добраго крестьянина, когда онъ своими собственными глазами разбиралъ и читалъ самъ божественныя писанія самихъ апостоловъ о Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ и Его вѣрѣ, въ которой все благо жизни бѣднаго человѣка. Конечно, вы не подивитесь, что мало по малу вокругъ нашего чтеца начали собираться сосѣды—слушатели, подобно ему болѣе или менѣе жаждавшіе ознакомиться съ подлиннымъ источникомъ ученія святой вѣры. Въ особенности онъ любилъ въ слухъ ихъ читать посланія св. апостола Павла и иногда, окончивъ чтеніе изъ котораго либо изъ нихъ,—на примѣръ, посланія къ Солунянамъ, приходилъ въ восторгъ и въ умиленіи говорилъ собравшейся вокругъ себя братіи: „вотъ, примѣрно, вы теперь македонцы, братія, а я вамъ Силуанъ, посланецъ къ вамъ отъ апостола Павла,—а вотъ у меня въ рукахъ и самая книга этого апостола, которую онъ самъ написалъ“!—Забывалъ онъ, безумный,—говоритъ древній писатель, которому обязаны мы всѣми свѣдѣніями о первоначальной исторіи павликіанъ,—забывалъ, что эту книгу далъ ему дьяконъ, а не апостоль, что прошло уже шесть сотъ лѣтъ послѣ мученической кончины апостола Павла, и, значить, не могъ онъ ни посланцемъ быть этого апостола, ни имѣть у себя книги, написанной имъ, такъ какъ жилъ и дѣлалъ все это, какъ я выше замѣтилъ, уже въ царствованіе внука Иракліева, императора Константина Погоната.

Такъ читалъ, а отчасти и ораторствовалъ, крестьянинъ Константинъ 27 лѣтъ. Съ теченіемъ времени онъ оставилъ свою родную деревню и, перебравшись черезъ границу въ греческія владѣнія, подѣ державу христіанскаго государя, поселился на житель-

ство въ укрѣпленіи Кивоссѣ, близъ города Колоніи, служившаго мѣстопробываніемъ мѣстнаго епископа; но и здѣсь, не смотря на близость церкви и служителей церкви, онъ также продолжалъ читать слово Божіе и также пріобрѣлъ себѣ и слушателей и даже почитателей, какъ и на своей родинѣ. Должно быть, иные даже охотнѣе ходили къ нему на бесѣды, чѣмъ къ церковной службѣ, и, несомнѣнно уже, его болѣе почитали, чѣмъ мѣстныхъ церковно-служителей. Кружокъ его почитателей пріобрѣлъ даже нѣкотораго рода сплоченность, и въ немъ вообще стали неуважительно отзыватья и о церковныхъ порядкахъ, и о церковныхъ властяхъ. Наконецъ, по доносу ли мѣстнаго епископа, или, какъ говоритъ нашъ историкъ, „неизвѣстно какимъ-то образомъ“ дошло до императора въ Константинополь извѣстіе, что въ колонійской епископіи образовалась какая-то секта, съ неизвѣстнымъ ученіемъ, однако власти церковной не признающая.

Царь Константинъ Погонать былъ государь благочестивый. Немедленно онъ командировалъ въ Колонію своего чиновника (*βασιλικόν τινα*) Симеона съ порученіемъ „виновника нечестія казнить побіеніемъ камнями, а учениковъ его, какъ невѣжъ, предать надзору и вразумленію мѣстной церковной власти“. Такъ все это и было исполнено. Симеонъ поспѣшно прибылъ въ Колонію, заручился содѣйствіемъ мѣстныхъ властей, накрылъ сектантовъ, всѣхъ поголовно, на самомъ мѣстѣ преступленія, — виновника нечестія, т. е. добраго нашего мужичка Константина, казнилъ, заставивъ его учениковъ или слушателей побить его камнями, а учениковъ его, какъ невѣжъ, предалъ надзору и вразумленію мѣстнаго епископа. Это было въ 684-мъ году.

Чиновникъ Симеонъ считалъ себя не только усерднымъ и точнымъ слугою царя, но еще и богословомъ. Не странно поэтому, что, можетъ быть, зная до нѣкоторой степени представителей мѣстной церковной власти и не очень надѣясь на обычные способы ихъ вразумленій, онъ рѣшился и самъ побесѣдовать съ сектантами и поучить ихъ вѣрѣ. Но каково же было его изумленію, въ какой

наконецъ пришелъ онъ ужасъ, когда изъ бесѣдъ съ ними узналъ, что казненный имъ Константинъ ничего другаго имъ не читалъ, кромѣ Новаго Завѣта, и ничего другаго на счетъ церкви не говорилъ, кромѣ развѣ того только, что вотъ такимъ бы надобно быть пресвитерамъ и архіереямъ, какъ апостоль Павелъ, а не такимъ, какіе они на самомъ дѣлѣ. Кончилъ Симеонъ тѣмъ, что, въ душѣ считая себя тяжкимъ преступникомъ, возвратился въ Константинополь, донесъ о точномъ исполненіи возложенной на него обязанности, вышелъ въ отставку, уѣхалъ тихонько изъ Константинополя и явился.... опять въ Колонію, но уже не къ мѣстнымъ властямъ, а къ ученикамъ Константина, чтобы своею особою замѣнить имъ несчастнаго ихъ мученика-учителя. Новаго своего наставника ученики прозвали Титомъ. Однако одинъ изъ учениковъ „Силуана“, тоже грамотный, нѣкто Юстъ, позавидовалъ чести новаго Тита, донесъ на него епископу колонійскому, и, черезъ три года наставничества, дѣло о немъ дошло до свѣдѣнія императора Юстиніана II. Императоръ Юстиніанъ зналъ, какъ надобно по законамъ обращаться съ еретиками, и шутить не любилъ; высочайше повелѣно было: „произвестъ дознаніе и упорныхъ сжечь на кострѣ“. Дознаніе было произведено, и Симеонъ, или такъ называвшійся „Титъ“, былъ сожженъ, а вмѣстѣ съ нимъ, въ 690 году, на томъ же огромномъ кострѣ погибли и „всѣ совершенно“ (*ἅπαντας*) его ученики.

„Всѣ совершенно“! Однако — одинъ спасся, родомъ армянинъ, т. е. уроженецъ армянской области, по имени Павелъ. Вмѣстѣ съ двумя своими сыновьями: Гегнезіемъ и Θεодоромъ, онъ убѣжалъ въ сарацинскія владѣнія, именно въ деревню Фанарію, самосатскаго же округа, и тамъ постепенно снова образовалъ такое же общество, какое было у Симеона, но уже съ направленіемъ, по всей вѣроятности, гораздо болѣе враждебнымъ церковной власти и церковнымъ учрежденіямъ, — отчего деревню ту впослѣдствіи сектанты прозвали Еписпарисомъ, то есть, Разсадникомъ. Тамъ его никто не беспокоилъ. Умирая, онъ завѣщалъ послѣ себя „настав-

ничество“ старшему своему сыну Гегнезію, но тѣмъ произвелъ въ обществѣ раздѣленіе, не имѣвшее впрочемъ значительныхъ послѣдствій. Именно, младшій сынъ Павла Θεодоръ утверждалъ, что наставничество не принадлежитъ исключительно его старшему брату и по наслѣдству не передается, а принадлежитъ всякому, въ комъ откроется божественная благодать Св. Духа. Хотя и Θεодоръ имѣлъ свой кружокъ „христіанъ“, особо отъ Гегнезія, однако старшій братъ, какъ болѣе способный, пріобрѣлъ у сектантовъ гораздо болѣе значенія и заслужилъ прозваніе „Тимоея“. Я говорю: „у сектантовъ“, но, что это была за секта, какъ ее назвать, какое ея было ученіе, и точно ли это секта была,—шло уже царствованіе императора Льва Исаврянина, отъ 717 до 741 года, то есть, прошло уже около 40 лѣтъ послѣ смерти „Силуана“—Константина, а до сей поры ни церковное, ни гражданское правительство греческой имперіи подлинно того не знали.

Императоръ Левъ Исаврянинъ вполне раздѣлялъ убѣжденія небольшого числа тѣхъ духовныхъ лицъ своего времени, которыя говорили, что народъ погруженъ въ суевѣрія, которыя надобно искоренять,—кланяется иконамъ, какъ идоламъ, усердствуетъ соблюдать посты, постоянно посѣщать церковную службу, жертвуетъ на церкви и монастыри, и безъ того богатые и тунеядные, когда отечество не имѣетъ средствъ содержать армію для борьбы съ мусульманами,—а вѣры не знаетъ и о настоящемъ христіанскомъ служеніи Богу въ духѣ и истинѣ понятія не имѣетъ. Вы изволите знать, мм. гг., что, горячо проводя эти убѣжденія въ своихъ правительственныхъ мѣропріятіяхъ, Левъ Исаврянинъ сталъ главою иконоборцевъ; но онъ отнюдь не воображалъ, чтобы черезъ то самое сколько нибудь уклонялся отъ православія,—терпѣть не могъ еретиковъ и жегъ ихъ безпощадно, какъ будто желая съ особенною наглядностію показать, что не напрасно носить титулъ „благочестивѣйшаго“ т. е. благовѣрнѣйшаго или православнѣйшаго государя, и умѣетъ служить истиннымъ интересамъ церкви. По всей вѣроятности, благодаря своимъ военнымъ успѣ-

хамъ, онъ овладѣлъ тою мѣстностію, гдѣ была деревня Еписпарись, узнавъ о Гегнезіѣ, вызвалъ его въ Константинополь и, не предвѣшая самъ богословскихъ вопросовъ, какъ человекъ военный, приказалъ своему патріарху допросить его о вѣрѣ. Иконоборческіе государи не очень чинились съ своими патріархами. „Говорять“, сказалъ патріархъ Гегнезію, когда тотъ представленъ былъ къ нему на судъ, — „ты отрекся отъ православной вѣры“?—Анаѳема тому, кто отрекся отъ православной вѣры, — отвѣчалъ Гегнезіѣ. „Но почему же ты не вѣруешь въ честный крестъ и не поклоняешься ему“? (Отвергая св. иконы, иконоборцы чтили изображенія креста Господня).—Анаѳема тому, кто не чтитъ честнаго и животворящаго креста Христова и не поклоняется ему, — отвѣчалъ подсудимый. „А отчего ты не чтить святую Богородицу и ей не поклоняешься?“ спросилъ патріархъ. (Православные подозрѣвали иконоборцевъ въ непочитаніи Божіей Матери).—Анаѳема тому, кто не поклоняется пресвятой Богородицѣ, въ юже вииде Господь нашъ Исусъ Христосъ, — отвѣчалъ Гегнезіѣ. „Почему ты не причащаешься нетлѣннаго тѣла и честныя крове Господа нашего Исуса Христа и презираешь ихъ“?—Анаѳема тому, кто не причащается тѣла и крови Господа нашего Исуса Христа, или презираетъ ихъ.— „Почему же не повинешься святой каѳолической и апостольской Церкви? На какомъ основаніи отвергаешь святое крещеніе“? Но Гегнезіѣ и на эти вопросы патріарха отвѣтилъ такъ же, какъ на другіе, и анаѳему произнесъ на тѣхъ, кто не повинется святой каѳолической Церкви, или отвергаетъ святое крещеніе. Тогда патріархъ призналъ его невиновнымъ въ ереси, и онъ, получивъ отъ императора *συλλιον*, то есть, должно быть, пропускной видъ, или паспортъ, благополучно воротился опять въ Еписпарись; но, по прибытіи сюда, собралъ всѣхъ своихъ учениковъ и при первомъ удобномъ случаѣ убѣжалъ съ ними за границу. Тамъ бѣглецы поселились въ той самой деревнѣ Мананали, изъ которой происходилъ первоучитель ихъ—Константинъ.

Итакъ первое правильное дознаніе, произведенное о нашихъ
Христ. Чтен. № 3—4 1877 г.

сектантахъ, показало, что они какъ будто бы и не были сектантами. Правда, единственный писатель, сохранившій намъ эти допросные пункты и отвѣты, увѣряеть, что они были еретиками, что, отвѣчая на вопросы о православной вѣрѣ и Церкви, Гегнезій подразумѣвалъ свое анаемское ученіе и свою сатанинскую общину, подъ честнымъ крестомъ разумѣлъ не самый крестъ, а страданія Господни, подъ святою Богородицею—небесный Иерусалимъ, подъ святымъ крещеніемъ — Господа Иисуса Христа, изречнаго о себѣ, что Онъ есть—*вода живая* (Іоанн. IV, 10), подъ тѣломъ и кровію Христовою—божественныя изреченія Христа Спасителя; но онъ жилъ спустя полтора ста лѣтъ послѣ этого допроса, имѣлъ дѣло съ дѣйствительными еретиками, почитавшими усмянутыхъ прежде Константина, Симеона, Павла и Гегнезія за своихъ первоучителей, и могъ предшественникамъ приписать такія понятія и убѣжденія, какихъ тѣ совсѣмъ не имѣли и какія, можетъ быть, образовались только вполслѣдствіи у его современниковъ. Что онъ за сердцевъдецъ? Какъ узналъ, что подсудимый говорилъ одно, а думалъ другое? Не скорѣе ли можно допустить, что еретики послѣдующаго времени ошибочно приписывали свои позднѣйшія заблужденія тѣмъ лицамъ, которыхъ въ старину чтили ихъ предки, какъ своихъ наставниковъ, чѣмъ признать, будто грозное судопроизводство константинопольскаго патріаршаго двора было такъ простовато и наивно, что его могъ провести робкій и нехитрый крестьянинъ, котораго притомъ никогда никто не упрекалъ въ безчестномъ отступничествѣ отъ своихъ убѣжденій и къ которому послѣдующіе павлиане не могли бы въ такомъ случаѣ имѣть никакого почтенія, такъ какъ они не прощали даже апостолу Петру его отреченія предъ слугами архіерейскаго двора и сами смѣло обрекали себя на смерть, отнюдь не скрывая своихъ убѣжденій, когда ихъ признавали преступными. Я охотно допускаю, что послѣ того, какъ отцу Гегнезія, Павлу, одному съ своими дѣтьми удалось убѣжать отъ крота, на которомъ погибли всѣ почитатели Константина и Симеона, у него, какъ и у его учениковъ, могли образоваться враж-

дебныя понятія о церковномъ правительствѣ греческой имперіи; но, чтобы они были уже еретиками, отвергавшими крещеніе и причащеніе св. таинъ,—по моему мнѣнію, это еще сомнительно. Впрочемъ, если кому угодно, пусть это будутъ еретики.

Гегнезіи былъ наставникомъ своей общины цѣлыхъ тридцать лѣтъ. Греческій хронографъ второй половины одиннадцатаго столѣтія Георгій Кедрияъ пишетъ, будто преемникъ Льва Исаврянина, императоръ Константинъ Копронимъ (741 — 775 г.), въ одиннадцатый годъ своего царствованія, завоевавъ у сарацинъ армянскую область Мелитину, переселилъ оттуда много павликіанъ во Оракію и даже въ самый Константинополь; но это свидѣтельство позднѣйшаго хронографа-компилятора, вообще неточнаго и мало-достовернаго въ тѣхъ не многихъ мѣстахъ своей лѣтописи, въ которыхъ онъ отстываетъ отъ переписки прежнихъ лѣтописцевъ, я считаю положительно невѣрнымъ. Занимающая насъ община, если даже допустимъ, что она имѣла уже характеръ секты и получила прозваніе павликіанъ, во всякомъ случаѣ была въ то время еще очень малочисленна. По всей вѣроятности, набожный инокъ-хронографъ перепуталъ факты и ошибочно приписалъ знаменитому, но антипатичному набожнымъ людямъ того времени, иконоборческому государю то, что сдѣлалъ, спустя слишкомъ двѣсти лѣтъ по смерти Константина Копронима, другой—также очень извѣстный своими военными успѣхами, но и очень несочувственный инокамъ—греческій государь, Іоаннъ Цимисхій, современникъ нашего великаго князя Святослава, славнаго своими походами въ Болгарію. Авторъ девятаго вѣка, которымъ я руководюсь и который специально и тщательно изслѣдовалъ первоначальную исторію павликіанства, ничего такого не говоритъ о Константинѣ Копронимѣ и, на оборотъ, передаетъ изъ исторіи сектантовъ относящіеся къ этому времени факты, съ свидѣтельствомъ Кедрина не гармонирующіе. По смерти Гегнезія, говоритъ онъ, наставниками мананальской общины были родной его сынъ Захарія и питомецъ его Іосифъ, котораго Гегнезіи нашель когда-то брошеннымъ на дорогѣ въ пеленкахъ и изъ жалости взялъ

на воспитаніе и пріютилъ у себя. Каждый изъ названныхъ братьевъ имѣлъ свою партію почитателей; но наконецъ они будто бы перессорились и *поэтому* рѣшились переселиться опять въ предѣлы греческаго государства. — Не тягость ли, думается мнѣ, мусульманскаго ига скорѣе была тому причиной? — Партія, хотѣвшая перебраться черезъ границу подъ предводительствомъ Захаріи, была настигнута агарянскою пограничною стражей и перебита вся до послѣдняго человѣка, за исключеніемъ самого Захаріи, который одинъ успѣлъ перебѣжать границу и спастись, но за то потерялъ у сектантовъ всякое значеніе, какъ наемникъ, а не пастырь, — которому овцы не свое и который, видя волка, оставляетъ овецъ и бѣжитъ, потому что онъ — наемникъ (Іоанн. X, 12). Партія же, шедшая въ то же время съ Іосифомъ, видя неудачный исходъ дѣла, благоразумно воротилась въ этотъ разъ назадъ, успѣла благовиднымъ предлогомъ оправдать предъ агарянами свое приближеніе къ границѣ и только уже впоследствии, выбравъ болѣе удобную пору, благополучно перешла границу и прибыла опять въ свою прежнюю деревню Еписпарисъ, жители которой встрѣтили Іосифа съ факельною процессіей и всѣми знаками глубокаго уваженія, какъ истиннаго ученика Христа. Впрочемъ мѣстное начальство немедленно обратило вниманіе на такой исключительный приемъ, сдѣланный Іосифу, человѣку будто бы весьма недалекаго ума и притомъ почти совсѣмъ безграмотному, вслѣдствіе чего Іосифъ и отсюда долженъ былъ бѣжать — сначала во Фригію, а потомъ — въ Писидію, гдѣ и поселился въ городѣ Антиохіи Писидійской. Тамъ онъ тоже наставничалъ въ теченіи тридцати лѣтъ и заслужилъ себѣ у своихъ почитателей прозваніе „Епафродита“; извѣстнаго сотрудника апостола Павла. Преемникомъ его въ учительствѣ былъ нѣкто Ваанисъ, по слухамъ, — говоритъ нашъ авторъ, — незаконнорожденный сынъ какой то еретички, введшій въ свою сенту крайнее послабленіе правилъ строгой нравственности и чрезъ то заслужившій ненависть большей части ея приверженцевъ, которые и прозвали его „Грязнымъ“ (ῥυπαρός). — „Да оно и въ порядкѣ“, — замѣчаетъ нашъ руководитель, — „что

въ такой ненавистнѣйшей сектѣ, какъ эта, не выдавалось иныхъ учителей, какъ или какое нибудь сарацинское отродье, или крѣпостной рабъ, или незаконнорожденный, или бабій выученикъ“. Но въ это самое время появился человекъ, который своими дарованіями, своею неутомимою дѣятельностію и беззавѣтнымъ самоотверженіемъ далъ ничтожной общинѣ, судьбами которой мы теперь интересуемся, громадное развитіе и превратилъ ее въ обширную еретическую секту, съ которою должна была считаться греческая имперія всѣми своими силами и пагубные слѣды которой не исчезли до нашихъ дней. Приступая къ разсказу о немъ, нашъ почтенный авторъ мечетъ грома и молніи, истощаетъ цѣлый лексиконъ наивно-набожныхъ ругательствъ и становится даже краснорѣчивъ въ своемъ одушевленіи; при всемъ томъ невольно рисуетъ образъ, возбуждающій удивленіе и даже нѣкотораго рода исполненную сожалѣнія симпатію.

Въ царствованіе Льва IV (775 — 780 г.) и императрицы Ирины (780 — 802 г.), въ селѣ Анніи, по близости къ городу Тавіи, въ Галатіи, проживалъ достаточный, по видимому, крестьянинъ по имени Дринъ. У него былъ сынъ Сергій, — Сергій, говорю, — продолжаетъ нашъ авторъ, — „дьяволовъ поборникъ, паствь Христовыхъ распудитель, волкъ кровожадный, личину кроткой овцы носившій и коварно прикрашивавшій себя покровомъ добродѣтелей, чѣмъ многихъ и прельстилъ, — Сергій, врагъ креста Христова, безбожія проповѣдникъ, Богоматери и всѣхъ святыхъ ругатель, апостоловъ супостатъ, пророковъ ненавистникъ, божественнаго писанія извратитель, въ басни и сказки его превратившій“, и такъ далѣе, и такъ далѣе. Случилось этому Сергію въ юношескомъ еще возрастѣ познакомиться съ одною женщиною, „непотребною, говорить нашъ авторъ, еретичкою“. И вотъ разъ „эта всехитрая и злоковарная ученица діавола“ говоритъ ему: „слышу я о тебѣ, киръ Сергіе, что ты неуклонно прилежишь книжному ученію, поведенія ты прекраснаго и всѣмъ ты — такой славный человекъ; скажи же ты мнѣ, сдѣлай милость, отчего ты никогда не читаешь божествен-

наго Евангелія?“ — Тотъ, „не замѣчая скрытаго въ рѣчахъ ея яда“, отвѣчаетъ: „не стать намъ, мать моя, мірскимъ людямъ, читать его, развѣ что—священникамъ“. А она ему: „не такъ, не такъ, какъ ты это думаешь. Нѣтъ у Бога лицепріятія; Господь *всѣмъ челоуѣкамъ* *хочетъ спастися и въ разумъ истины прийти.* Да священники-то ваши словамъ-то Божіимъ барышничаютъ, таинства-то евангельскія отъ васъ скрываютъ, а потому въ слухъ-то при васъ и не читаютъ всего, что въ Евангеліи написано, а иное прочтутъ, иного нѣтъ, чтобы вы до познанія истины-то не доходили. А написано тамъ, написано, что многіе скажутъ въ тотъ день: *Господи, Господи! (Не отъ Твоего ли имени мы пророчествовали?) И не Твоимъ ли именемъ бѣсовъ изгоняли? И не твоими ли именемъ многія чудеса творили (Матѳ. VII, 22)? И отвѣщавъ Царь речетъ имъ: аминь, аминь глаголю вамъ: не вѣмъ васъ!* Поищи-ка ты это, киръ Сергіе, да погляди, не такъ ли написано-то? Да и кто это тѣ, кому Господь скажетъ: *не вѣмъ васъ?*“ — Началь послѣ того Сергій читать Евангеліе, нашель въ немъ указанныя ему тою женщиною изреченія Господни и, при новой съ нею встрѣчѣ, обратился къ ней съ просьбою объяснить ему, о комъ именно говоритъ въ нихъ Господь. Она, не давая ему прямого отвѣта и продолжая возбуждать въ немъ усердіе къ чтенію слова Божія, спросила его еще: „а о комъ это сказалъ Господь, что *многіе придутъ съ востока и запада, и возьмутъ съ Авраамомъ, Исаакомъ и Иаковомъ въ царствѣ небесномъ, а сыны царства извержены будутъ во тьму внѣшнюю (Матѳ. VIII, 11—12)? Кто эти сыны царства?*“ Наконецъ, уступая усиленнымъ просьбамъ Сергія объяснить ему все это, сказала будтобы, что по ея мнѣнію сыны царства, изгонявшіе бѣсовъ и творившіе многія чудеса, но осужденные на изверженіе, не кто нибудь другой, какъ угодники и святые подчинившейся міру греческой церкви, которыхъ народъ чтить какъ боговъ, ~~отказавъ~~ отказавъ Бога живаго и безсмертнаго, а пророчествовавшіе или пророчествующіе отъ имени Господа и также Имъ отвергнутые—греческое, конечно, духовенство. „И такъ, пере-

ходя отъ одного евангельскаго изреченія къ другому и, по мѣрѣ воспріемлемости Сергія, по своему объясняя ему смыслъ каждаго мѣста, мало по малу она скоро сдѣлала изъ Сергія — говоритъ нашъ авторъ — „такое страшное орудіе, выдвинутое діаволомъ противъ рода человѣческаго, какого до сей поры не было прежде: потому что, если и прежде были проповѣдники безбожія, то, своею неводержанною жизнію роная себя во мнѣніи людей, они не могли увлечь за собою много послѣдователей; этотъ же, избѣгая ихъ неводержанія, между тѣмъ всѣ ихъ богохульства принимая какъ спасительные догматы, отличался притворными добродѣтелями и видомъ благочестія и потому въ глазахъ людей несвѣдущихъ казался отличнымъ руководителемъ къ спасенію. Зло старается подражать добродѣтели и плевелы успиваются казаться пшеницею. Вотъ этими-то ухищреніями притворства въ мнимодобродѣтельной жизни и привлекаютъ къ себѣ еретики души неутвержденныхъ даже до сего дня (μέχρι τῆς δεῦρο),.... открывая имъ высшее таинство своего ученія, состоящее, разумѣется, въ отреченіи отъ Бога, только тогда, когда уже совсѣмъ увлекутъ ихъ въ погибель“.

По окончаніи своего обученія, въ полномъ убѣжденіи, что всѣ православные ослѣплены богомъ вѣка сего и преданы пагубному суетвѣрію, Сергій рѣшился всецѣло посвятить себя, какъ онъ думалъ, распространенію или возстановленію истинной Христовой вѣры и выступилъ на это дѣло съ неудержимою (σαταμικῶ) ревностію, въ качествѣ ученика апостола Павла усвоивъ себѣ имя Тихика, одного изъ преданнѣйшихъ сотрудниковъ этого апостола. Добывая себѣ пропитаніе плотничнымъ мастерствомъ, чтобы и въ отношеніи содержанія себя и своихъ сподвижниковъ по возможности вполне подражать примѣру своего излюбленнаго апостола, онъ пѣшкомъ обошелъ съ своею проповѣдію всѣ страны и города, въ которыхъ восемь сотъ лѣтъ ранѣе его проповѣдовалъ апостоль Павелъ, какъ самъ говоритъ объ этомъ въ одномъ изъ посланій къ своимъ ученикамъ: „отъ востока до запада и отъ сѣвера до юга обошелъ я всѣ страны съ проповѣдію Евангелія Христова, и все пѣшкомъ, на

своихъ ногахъ“. Дѣятельность его продолжалась тридцать четыре года, отъ царствованія императрицы Ирины до царствованія императора Θεοφιλα (829—842 г.), и сопровождалась необыкновеннымъ успѣхомъ. Послѣдователей его надобно было считать уже не сотнями, а сотнями тысячъ. Они стали извѣстны въ обществѣ подъ именемъ павликянъ, происшедшимъ по всей вѣроятности отъ слова: *παυλικῶν*, *павловыхъ*, то-есть, учениковъ, хотя сами себя называли просто христіанами или хриstopолитами, христовыми, то-есть, гражданами, въ отличіе отъ сыновъ царства, служившихъ будто бы *богу въка сею* (2 Кор. IV, 4). Сначала Сергій хотѣлъ было примкнуть къ общинѣ Вааниса; но съ перваго же раза отшатнулся отъ нея, гнушаясь развившимся въ ней послабленіемъ правилъ христіанской нравственности, нашель однако въ ней сочувствовавшихъ себѣ сподвижниковъ, между которыми приобрѣли большую извѣстность: Михаилъ, Канакарисъ, Іоаннъ Аорать, Θεοδοτῆς, Василій, Зосима и многіе другіе, и при ихъ помощи прочно утвердилъ существованіе своей еретической секты, которая внослѣдствіи легко, хотя и не безъ борьбы, поглотила въ себѣ и общину Вааниса, вынужденную подчиниться большинству павликянъ. Характеристично для того времени, что между послѣдователями Сергія были не простыя только поселяне и не міряне только, но оказалось и много *священниковъ и левитовъ* православной церкви (*πολλοὺς ἱερεῖς καὶ λευίτας τῆς ὀρθοδόξου πίστεως*), сдѣлавшихся горячими его помощниками, множество монаховъ и монахинь, много лицъ привилегированныхъ и образованныхъ сословій. Во всѣхъ основанныхъ имъ общинахъ преобладало благоговѣніе къ апостольской и пастырской дѣятельности апостола Павла. Но это я считаю неважнымъ, что онъ одну изъ подвѣдомыхъ ему общинъ называлъ Македоніей, другую Ахаіей, третью, четвертую и т. д. Коринѳомъ, Филиппами, Колоссами, Ефесомъ, или Лаодикіей, словомъ — однимъ изъ наименованій тѣхъ церквей, которыя основалъ апостоль Павелъ. Главное то, что онъ далъ всѣмъ этимъ общинамъ единство, — установилъ для нихъ одну общую своего рода іерархію и такимъ образомъ упрочилъ ихъ вза-

имную солидарность. Копируя вѣшность миссіонерской организаціи апостола Павла, онъ создалъ для своихъ общинъ постоянное учрежденіе синекдимовъ (συνέκδημοι), то-есть, апостольскихъ сопутниковъ или сподвижниковъ, которые въ навликіанскихъ общинахъ пользовались значеніемъ постоянныхъ мѣстныхъ надзирателей или своего рода пастырей извѣстной общины,—кромѣ того установилъ классъ асгатовъ (ἄστατοι), то-есть, странствующихъ синекдимовъ-миссіонеровъ, долженствовавшихъ представлять собою, по всей вѣроятности, тѣ лица, которыхъ апостоль Павелъ называлъ посланниками церкви, вообще—помогать распространенію секты, и наконецъ, что весьма замѣчательно, учредилъ сословіе нотаріевъ, то-есть, писцовъ, обязанныхъ изготовлять въ возможно большемъ числѣ списки книгъ священнаго писанія новаго завѣта, предназначавшіеся для распространенія въ народѣ. Этотъ послѣдній классъ лицъ навликіанской іерархіи былъ подчиненъ (ὀπορὲβηχότας μερεῖς) синекдимама; синекдимы же считались между собою равными. Мѣста богослужбныхъ навликіанскихъ собраній назывались молельнями. Такъ изъ невинной по началу деревенской сходимы въ теченіе полутора ста лѣтъ выродилась и организовалась страшная для имперіи и обширная еретическая секта!

Въ виду быстрого ея распространенія благочестивый императоръ Михаилъ Куропалатъ, по прозванію Авуа или Рангавъ (811—813 г.), и царствовавшій послѣ него иконоборческий императоръ Левъ Армянинъ (813—820 г.) повелѣли казнить за навликіанство смертію, съ тѣмъ впрочемъ снисхожденіемъ, что тѣ изъ еретиковъ, которые предъ ужасами казни оказали бы искреннее раскаяніе, могли быть отдаваемы подъ особый усиленный надзоръ духовной власти. Съ этою цѣлію во всѣхъ областяхъ имперіи учреждены были особыя присутствія для поисковъ за еретиками. Нужно ли говорить, какъ въ то время крайняго развитія системы доносовъ и ожесточенной борьбы политическихъ партій, когда, по выраженію знаменитаго патріарха Фотія, не могло быть ни одного честнаго человѣка, который не состоялъ бы когда нибудь подъ церковной анаѳемой,—нужно ли го-

ворить, какъ ужасна въ то время была эта мѣра для спокойствія общественной и семейной жизни. Не папистическая церковь избобрѣла, мм. гг., инквизицію; она была въ этомъ отношеніи только достойною ученицей византійской церковной политики. Инквизиторами въ армянской области, гдѣ главнымъ образомъ держалось павликіанство, назначены были неокесарійскій митрополитъ *Θома* и экзархъ *Паракондакій*. Усердіе ихъ было до такой степени необычайно, а поле дѣятельности такъ широко, что наконецъ проживавшіе близъ армянскаго города *Кинополя астаты* *Сергія* составили противъ нихъ заговоръ. Сначала убитъ былъ такимъ образомъ *Паракондакій*, а за нимъ и *Θома* митрополитъ. Пользуясь пріостановкою страшной рѣзни до назначенія новыхъ инквизиторовъ, кинопольскіе павликіане подъ предводительствомъ своихъ астатовъ бѣжали за границу и отдались подъ покровительство мелитинскаго эмира *Монохерара*, который, милостиво принявъ ихъ, какъ враговъ имперіи, далъ имъ для поселенія удобную мѣстность, гдѣ они и основали свой первый укрѣпленный городъ *Аргаунъ*, неподалеку отъ греческой крѣпости *Никополя*. Скоро къ первымъ поселенцамъ *Аргауна* присоединялось множество выходцевъ изъ всѣхъ концовъ имперіи; переселился сюда и самъ *Сергій* съ избраннѣйшими изъ своихъ синекдимовъ. Волею или неволею подчиняясь здѣсь вліянію сарацинъ, аргаунскіе павликіане начали отсюда вмѣстѣ съ сарацинами дѣлать набѣги на пограничныя греческія области, опустошали ихъ, забирали въ нихъ множество плѣнниковъ, причемъ тѣхъ изъ нихъ, которые были павликіанами или соглашались принять павликіанство, присоединяли къ своей общинѣ, а прочихъ отдавали въ рабство сарацинамъ. Замѣчательно, что самъ *Сергій* отнюдь не одобрялъ такого образа дѣйствій павликіанъ противъ имперіи. „Я въ этомъ злѣ“ — говорилъ онъ — „неповиненъ; я много разъ увѣщавалъ ихъ прекратить набѣги на греческія владѣнія и не брать оттуда никого въ плѣнъ, да они меня не слушаютъ“. — „Какъ ты не повиненъ — возражаетъ на это нашъ авторъ, разумѣется, возлагающій на него одного отвѣтственность за всѣ ужасы, порожденные страш-

нымъ преслѣдованіемъ павликіанства—какъ ты не повиненъ? Если они тебя не слушали, зачѣмъ же ты не разошелся съ непослушнымъ народомъ, съ которымъ не въ силахъ былъ справиться? Зачѣмъ жилъ съ ними до самой своей смерти? И если ты училъ ихъ шествовать путемъ Христовымъ, то почему же не училъ ихъ тому, что сказалъ Господь: *когда будутъ мать васъ въ одномъ городѣ, бѣгите въ другой*“ (Матѣ. X, 23)? А не отвѣчайте, то есть, насиліемъ на насиліе.— Не правда ли, что въ устахъ сторонника ужасовъ инквизиціи и религіозныхъ войнъ правительства съ частью своихъ подданныхъ, это изреченіе кроткаго и милосердаго Спасителя нашего звучитъ ироніей!

Спустя нѣсколько лѣтъ Сергій былъ убитъ близъ Аргауна. Живя до самаго конца своей жизни съ тою же простотою и воздержностію, какъ и въ молодые годы, разъ онъ отправился на гору, при подошвѣ которой стоялъ Аргаунъ, чтобы срубить дерево для выдѣлки изъ него досокъ; здѣсь увидѣлъ и узналъ его одинъ поселенецъ греческой ерѣвности Никополя, по имени Цаніонъ, вырвалъ у него изъ рукъ топоръ и его же топоромъ разрубилъ ему голову. Это было въ 835-мъ году ¹⁾. Между тѣмъ преслѣдованіе павликіанъ въ имперіи скоро приняло ужасные размѣры. Хронографъ—продолжатель Теофана, писавшій подъ рецензіею императора Константина Порфиророднаго, говоритъ ²⁾, что въ одно регентство благочестивой императрицы св. Θεодоры, правившей имперіею

¹⁾ Въ Исторіи *Петра Сицил.* (Patrol. Curs. Compl. t. CIV, num. XLI, col. 1301) читается, что это было въ 6303-мъ году отъ созданія міра; во вѣ виду сказаннаго этимъ же писателемъ, что дѣятельность Сергія продолжалась 34 года отъ царствованія импер. Ирины до царствованія импер. Теофила, очевидно, нужно считать вышеуказанную цифру извращенною перепищикамъ. Въмѣсто 6303-го я читаю поэтому 6343-го, то есть, за исключеніемъ 5503 лѣтъ до Рожд. Христова, 835-го года по Р. Хр.

²⁾ Theophan. continuati lib IV, —de Michaelē Theophili filio, num. 16, edit. Воннае pag. 165: «Желая обратить восточныхъ павликіанъ къ православію, или въ противномъ случаѣ истребить ихъ, Θεодора отправила къ нимъ чиновниковъ, которые однихъ вѣшали, другихъ убивали мечемъ, иныхъ топили въ морѣ. Число погибшихъ такимъ образомъ простиралось до ста тысячъ, а имущество ихъ поступило въ казну».

за малолѣтствомъ сына своего императора Михаила III (842—857 г.) было истреблено не менѣе ста тысячъ павликіанъ. Набѣги аргаунскихъ павликіанъ вынудили имперію начать противъ нихъ правильную внѣшнюю войну, которая кончилась однако неудачно. Случилось именно, что по подозрѣнію въ павликіанствѣ казненъ былъ отецъ протомандатора, то есть перваго адъютанта, при главнокомандующемъ императорскою восточною арміею, Карвея. Опасаясь и самъ той-же участи, Карвей собралъ вокругъ себя до пяти тысячъ павликіанъ и съ этимъ отрядомъ перешелъ на сторону мелитинскаго эмира. Скоро онъ взялъ въ свои руки управленіе военными и гражданскими дѣлами аргаунскихъ павликіанъ и въ нѣсколько лѣтъ привелъ ихъ въ блестящее положеніе. Аргаунъ не могъ уже вмѣщать въ себѣ всего павликіанскаго населенія; притомъ павликіане стали уже тяготиться покровительствомъ мусульманскаго государя и рѣшились образовать изъ себя независимое политическое общество. Поэтому Карвей основалъ въ пустынной мѣстности, неподалеку отъ юго-восточныхъ береговъ Чернаго моря, новый павликіанскій городъ Тиврику, чтобы такимъ образомъ, какъ говоритъ нашъ авторъ, „во-первыхъ, избавиться отъ тиранніи мелитинскихъ агарянъ, во-вторыхъ, въ удаленіи отъ населенныхъ мѣстностей удобнѣе уподобляться демонамъ, и, въ третьихъ, пользуясь близостью греческихъ владѣній, легче грабить и опустошать какъ греческую часть Арменіи, такъ и всѣ вообще греческія поселенія по юго-восточнымъ берегамъ Чернаго моря, а вмѣстѣ съ тѣмъ, наконецъ, дать удобнѣйшее пристанище всѣмъ тѣмъ еретикамъ, которые спасались бѣгствомъ изъ имперіи, гдѣ имъ праведно грозила смертная казнь за ихъ нечестіе“. Въ самомъ непродолжительномъ времени Тиврика стала многлюднымъ городомъ и политическимъ центромъ павликіанской области. Въ тоже почти время основанъ былъ павликіанскій городъ Амара.

Пока имперія такъ напрасно тратила свои военныя силы и такъ неудачно воевала съ своими еретиками на востокѣ, на западѣ сарацины завоевали одну изъ драгоцѣннѣйшихъ ея провинцій, именно островъ Сицилію. Спасаясь отъ ихъ опустошительнаго нашествія, многіе

сицилійскіе греки бѣжали въ Константинополь. Въ числѣ этихъ выходцевъ обращалъ на себя вниманіе знатностію рода, высокимъ положеніемъ и особенно всестороннею ученостію нѣкто Петръ Сициліецъ, такъ прозванный по мѣсту своей родины. Онъ занялъ въ Константинополь почетное мѣсто при императорскомъ дворѣ, былъ вѣрнымъ слугою императора Василія Македонянина (867—886 г.), объявившаго, по смерти Михаила III, сыновей своихъ Константина и Льва своими соправителями, и во второй годъ царствованія благочестивыхъ и великихъ государей, императоровъ Василія, Константина и Льва, то-есть, въ 869 году, получилъ между прочимъ назначеніе отправиться посломъ къ павликіанамъ въ Тиврику, для обмѣна плѣнныхъ греческихъ офицеровъ (*ἄρχοντας αἰχμαλώτους*). Свѣтскимъ правителемъ павликіанъ былъ въ то время преемникъ Карвея зять его Хрисохерисъ, а духовными руководителями—оставшіеся еще въ живыхъ синекдими Сергія Василій и Зосима. Петръ Сициліецъ успѣшно исполнилъ данное ему порученіе, но долженъ былъ пробыть въ Тиврикѣ цѣлыхъ девять мѣсяцевъ. Этимъ продолжительнымъ временемъ онъ воспользовался, чтобы основательно (*ἀκριβῶς*) изучить исторію павликіанъ и развѣдать, сколько возможно, ихъ ученіе. Воротившись въ Константинополь, онъ изложилъ письменно всѣ добытыя имъ свѣдѣнія, стараясь передать ихъ читателю въ надлежащемъ свѣтѣ при помощи своихъ богословскихъ и церковно-историческихъ соображеній, и его книга „по божественному повелѣнію святыхъ, православныхъ и великихъ государей“ императоровъ Василія, Константина и Льва, была опубликована, съ посвященіемъ ея архіепископу новоосновывавшейся тогда болгарской церкви, во всеобщее изобличеніе и опроверженіе ереси. Это и есть та самая „Исторія манихеевъ или такъ называемыхъ павликіанъ“, руководствомъ которой я теперь пользовался. Она перепечатана въ XIV томѣ полного курса греческой патрологіи Мина, по новому изданію ея, сдѣланному съ ватиканскаго манускрипта кардиналомъ Анжеломъ Маіемъ (*Novae Bibliothecae Patrum tom. IV*). Особенно драгоцѣнно въ изданіи кардинала Маи то, что вмѣстѣ съ „Исторією“

онъ въ первый разъ издалъ три обличительныхъ трактата, сохранившіеся изъ числа тѣхъ шести, которые написалъ противъ павликіанской ереси Петръ Сициліецъ въ приложение къ своей „Исторіи“ и которые до той поры были совершенно неизвѣстны въ наукѣ. Трактаты же эти интересны главнымъ образомъ потому, что могутъ, хотя отчасти, помочь намъ въ составленіи приблизительно правильнаго понятія объ еретическомъ ученіи павликіанской секты. Какъ это ни странно, но къ сожалѣнію совершенно вѣрно, что между тѣмъ какъ исторія павликіанъ намъ достаточно извѣстна, объ ученіи ихъ мы вынуждены ограничиваться догадками. Впрочемъ вы сами, мм. гг., изволите видѣть, что дѣло идетъ о сектѣ, съ одной стороны народившейся среди малограмотнаго простонародья, слѣдовательно не блиставшей въ составѣ своихъ членовъ значительнымъ числомъ лицъ, способныхъ толково и обстоятельно излагать свои мысли на бумагѣ,—съ другой стороны, о сектѣ, на смерть гонимой, такъ что еслибы въ свое время кто-нибудь изъ павликіанъ и изложилъ письменно свое ученіе, то такого рода изложеніе было бы запрещено правительствомъ подъ угрозою смертной казни и едва ли бы сохранилось для послѣдующихъ временъ, какъ не сохранились, на примѣръ, посланія, въ свое время писанныя павликіаниномъ Сергіемъ. Судить же объ ученіи еретиковъ единственно по увѣреніямъ тѣхъ лицъ, которыя считали ихъ повинными смерти, и только по свѣдѣніямъ, пропущеннымъ правительственною цензурою, очевидно можно не иначе, какъ съ крайнею осторожностію.

Петръ Сициліецъ настойчиво старается увѣрить своихъ читателей, будто-бы ученіе павликіанъ было не инымъ чѣмъ-либо, какъ именно манихействомъ въ собственномъ смыслѣ этого слова, то-есть, такую противоположенную ересь, приверженцевъ которой еще императоръ Діоклитіанъ, а за нимъ и первые христіанскіе государи указали казнить смертію. Съ этою цѣлію, прежде чѣмъ изложить лично добытыя имъ въ Тиврикѣ точныя свѣдѣнія о павликіанахъ, онъ говоритъ въ своей исторіи о Манесѣ и манихействѣ—на основаніи крайне сбивчивыхъ и темныхъ слуховъ* объ этомъ

предметъ, сохранившихся у единственно доступныхъ его пониманію греческихъ писателей четвертаго и пятаго вѣка, — передаетъ, вѣроятно, по молвѣ, ходившей между православными его современниками, что будто-бы нѣсколько лѣтъ спустя по смерти Манеса въ самосатскомъ округѣ славилсь между манихеями родные братья Павелъ и Іоаннъ, дѣти какой-то Каллиники, по имени которыхъ манихеи стали будто-бы называться павликіанами, хотя самъ же говоритъ въ другихъ мѣстахъ своей Исторіи, что павликіане всегда называли себя не иначе, какъ только христіанами, и хотя вообще извѣстно, что они охотно предавали анаѳемѣ, вмѣстѣ съ Манесомъ, и Павла и Іоанна, равно какъ и всѣхъ другихъ манихеевъ, — затѣмъ быстро шагаетъ черезъ 350 лѣтъ, замѣтивъ только, что во всю эту эпоху христіанскіе государи казнили манихеевъ смертію, слѣдуя словамъ Господа: *враговъ же моихъ, тѣхъ, которые не хотѣли, чтобы я царствовалъ надъ ними, приведите сюда и избежите предо мною* (Лук. XIX, 27), и уже только послѣ всего этого приступаетъ къ изложенію тѣхъ точныхъ свѣдѣній, которыя собралъ о первоучительхъ павликіанскихъ въ Тивригѣ, замѣчая при каждомъ удобномъ случаѣ, что лжеученіе ихъ, конечно, было тождественно съ манихействомъ. Поэтому въ старыхъ церковно-историческихъ учебникахъ такъ и преподавалось съ его словъ, что павликіанство было отраслью древней манихейской секты.

При болѣе тщательномъ разсмотрѣніи Исторіи Петра Сициліяца оказалось однако, что между манихействомъ и павликіанствомъ не было, собственно говоря, ничего общаго. Вотъ пункты, въ которыхъ Петръ Сициліецъ въ своей Исторіи резюмируетъ ученіе павликіанъ: 1) павликіане будто-бы держались дуалистическихъ понятій о Божествѣ, различая Бога добраго, Отца будущаго вѣка, и бога злаго, міродержителя вѣка настоящаго. „Это у нихъ — говоритъ Петръ Сициліецъ — первая аксіома; взрослый павликіанинъ обыкновенно спрашиваетъ своего ребенка: скажи мнѣ, чѣмъ мы, христіане, отличаемся отъ грековъ (*ἐκ τῶν ῥωμαίων*), какъ они всегда называютъ насъ, отказывая намъ въ имени христіанъ

и оставляя за нами только наше народное (ἔθνη) имя,— и тотъ долженъ отвѣтить: мы, христіане, служимъ Богу небесному, о которомъ Господь сказалъ, что *ни гласа Его никогда не слышимъ, ни лица Его не видали* (Іоан. V, 37), а греки служатъ творцу міра сего“. 2) Павликіане будто бы отвергали все книги ветхаго завѣта, относя къ пророкамъ слова Христовы: *всѣ, сколько ихъ ни приходило предо Мною, суть воры и разбойники; но оцы не послушаша ихъ* (Іоан. X, 8), и, принимая книги новозавѣтныя, не оказывали уваженія къ соборнымъ посланіямъ апостола Петра, порицая его за отреченіе отъ Господа, за сопротивленіе апостолу Павлу и за отзывъ о Павловыхъ посланіяхъ. 3) Они совершенно отвергали церковную іерархію, говоря, что *старцы людстѣи собрашася вкупу на Господа*, такъ что одно простое упоминаніе имени пресвитеровъ или архіеревъ уже возбуждало въ нихъ негодованіе. 4) Они не только сами не причащались тѣла и крови Господней, но и другимъ не совѣтовали, утверждая, будто Господь на тайной вечери только въ символическомъ смыслѣ заповѣдалъ всегда причащаться Своего тѣла и Своей крови, то есть, собственно заповѣдалъ только всегда держаться Своего божественнаго ученія. 5) Они будто бы не почитали святою Божіей Матери, утверждая, что она имѣла другихъ дѣтей отъ Іосифа и что Господь не отъ нея воспринялъ плоть Свою, а воплотился въ плоть небесную. Наконецъ 6) они отвергали поклоненіе кресту Христову, утвѣщая, что вѣра въ крестныя страданія Христовы, а не самое древо креста, имѣетъ силу низлагать демоновъ. Во всемъ этомъ, какъ видите, нѣтъ ничего манихейскаго; поэтому церковные историки новѣйшаго времени, довѣрчиво относясь ко всемъ обвиненіямъ Петра Сицилійца противъ павликіанъ и сопоставляя дуализмъ ихъ и отверженіе ими священныхъ книгъ ветхаго завѣта, равно какъ ихъ по внѣшности строго-правственную жизнь и особенное благоговѣніе къ апостолу Павлу, съ свидѣтельствомъ блаженнаго Феодорита, епископа Кирскаго, что при немъ, въ его епархіи, между невѣжественными поселянами было много послѣдователей Маркіона, не знавшихъ даже,

чему собственно учил этотъ еретикъ-философъ половины, втораго христіанскаго столѣтія, держатся обыкновенно предположенія, что павликіанство могло быть отраслью древней маркіоновой секты, и стараются сводить все свидѣтельства объ ученіи павликіанъ такъ, чтобы еретическія понятія ихъ, по возможности, казались читателю слѣдомъ древнихъ маркіоновскихъ преданій. Петръ Сициліецъ, какъ и все другіе греческіе писатели его времени, весьма легко, говорятъ, могъ смѣшать маркіоновское ученіе съ манихейскимъ по нѣкоторому внѣшнему сходству между ними, такъ какъ древніе греки, не зная восточныхъ языковъ, вообще имѣли очень смутное понятіе о манихействѣ, — и съ этимъ замѣчаніемъ я совершенно согласенъ.

Тѣмъ не менѣе мнѣ думается, что и маркіоновскаго ничего не было въ ученіи павликіанъ. Въ самомъ дѣлѣ, за что Петръ Сициліецъ, а за нимъ и другіе, обвинилъ павликіанъ въ дуалистическихъ понятіяхъ о Божествѣ? — Раскрывая полемическій трактатъ его на эту тему, читаемъ: „возражая противъ насъ, они говорятъ: вы вѣруете въ міроздателя, бога вѣка сего; а мы въ Того, о Комъ св. Евангеліе учитъ, что вы ни лица Его никогда не слышали, ни лица Его не видали, и не имѣете слова Его, пребывающаго въ васъ (Іоанн. V, 37 и 38), — и въ доказательство того, что иной есть богъ вѣка сего и иной — Богъ вѣка грядущаго, указываютъ на изреченіе Апостола: *богъ вѣка сего ослѣпилъ умы неспрующихъ, чтобы для нихъ не возсіялъ свѣтъ благовѣствованія о славіи Христа* (2 Кор. IV, 4), и еще: *по волю князя, господствующаго въ воздухъ* (Ефес. II, 2); приводятъ также изреченіе Господа въ святомъ Евангеліи: *идетъ князь міра сего, и въ насъ ничего не найдетъ* (Іоанн. XIV, 30), говоря, что въ другихъ мѣстахъ Господь часто называлъ княземъ міра отступника-діавола“. Итакъ, вы изволите видѣть, нѣтъ во всемъ этомъ ни гностическаго раздѣленія вѣроученія на тайное и внѣшнее, ни ученія о матеріи, какъ о началѣ зла, ни маркіоновскаго ученія о правосудномъ Богѣ ветхаго завѣта и Богѣ благомъ завѣта новаго, ни какого либо извращенія ученія о Святой Троицѣ, и достаточно было какимъ нибудь

фанатизмъ павликіанства сказать нашему автору: что „мы, христіане, служимъ Богу, а вы, греки, служите дьяволу, властителю вѣка сего“ (ἐξουσιαστὴν τοῦ κόσμου), чтобы онъ взвелъ на всѣхъ павликіанъ обвиненіе въ дуалистическихъ понятіяхъ о божествѣ! Это, впрочемъ, совершенно въ порядкѣ его пріемовъ. Если, съ одной стороны, онъ находилъ удивительную аналогію между тройственностію царственныхъ лицъ на императорскомъ престолѣ того времени, разливавшихъ благодѣтельный свѣтъ православія до крайнихъ предѣловъ земли, и троичностію лицъ въ Божествѣ, *сіяющемъ на змѣя и блгїя* (Hist. num. XXII); если онъ называлъ, съ другой стороны, первоучителей павликіанства, какъ вы изволили слышать, проповѣдниками безбожія и всѣхъ до того бывшихъ еретическихъ догматовъ: то удивительно ли, что, услышавъ отъ павликіанъ выраженіе апостола Павла: *богъ вѣка сего*, онъ счелъ послѣдовательнымъ обвинить ихъ въ богословскомъ дуализмѣ? Значить, вы, отвѣчалъ онъ, двухъ боговъ проповѣдуете? Да такого выраженія: *богъ вѣка сего*, полемизируетъ онъ далѣе (Sermon. I, num. VI), и нѣтъ въ священномъ писаніи. По его мнѣнію, павликіане дѣлали будто бы неправильную пунктуацію этого мѣста изъ втораго посланія къ Коринѣянамъ, которое будто бы слѣдуетъ читать такъ: „если и закрыто благовѣствованіе наше, то закрыто для погибающихъ, въ которыхъ Богъ; здѣсь“, говоритъ онъ, „нужно поставить точку и читать слѣдующій стихъ такъ: (Онъ) ослѣпилъ умы невѣрующихъ вѣка сего, чтобы для нихъ не возсіялъ свѣтъ благовѣствованія о славѣ Христа“ (гл. IV, ст. 3 и 4.). Вотъ какіе бывали иногда защитники православія и просвѣтители нашихъ властей, духовныхъ и мірскихъ, на счетъ сущности лжеученій того или другаго еретическаго общества! Позвольте, мм. гг., полемисту, до такой степени пристрастному къ своей сторонѣ и предзанятому противъ своихъ противниковъ, не довѣрять въ его крайнихъ выводахъ. Допустимъ даже, что въ павликіанскомъ простонародѣ того времени, какъ впрочемъ и вообще въ простонародѣ, могли ходить какія нибудь болѣе или менѣе преувеличенныя понятія о силѣ

сатаны и вмѣшательствѣ его въ явленія природы и человѣческой жизни; но еслибы и дѣйствительно было такъ, и это еще далеко не давало бы права нашему автору взводить на павликіанъ обвиненіе въ ученіи о двойствѣ началъ въ божествѣ. Между тѣмъ, приписавъ имъ это ученіе, онъ обвиняетъ ихъ далѣе и въ отверженіи священныхъ книгъ ветхаго завѣта, такъ какъ древніе еретики, державшіеся философскаго ученія о двойствѣ самобытныхъ началъ, обыкновенно болѣе или менѣе также отвергали ветхій завѣтъ. Но справедливо ли и это обвиненіе? Я считаю его, по меньшей мѣрѣ, преувеличеннымъ. Приступая къ полемикѣ съ павликіанами, авторъ даетъ обѣщаніе (Sermon. 1, num. 1) пользоваться въ своихъ полемическихъ трактатахъ только тѣми священными книгами, которыя уважаются еретиками, и даже перечисляетъ эти книги — согласно съ подлежащимъ обвинительнымъ пунктомъ въ своей Исторіи. Между тѣмъ въ первомъ трактатѣ (num. XVI) онъ приводитъ противъ нихъ мѣсто изъ пророка Исаи (гл. II, ст. 3), во второмъ трактатѣ (num. V) — мѣста изъ книги Бытія (гл. VIII, ст. 7), изъ Псалмовъ (пс. XII, ст. 1). Сказавъ также, что павликіане не принимаютъ соборныхъ посланій апостола Петра, въ заключеніи своего перваго трактата (num. XVI), обращаясь къ еретикамъ, между прочимъ онъ говоритъ: „что же наконецъ заставляетъ васъ отдѣляться отъ насъ — въ виду ясныхъ свидѣтельствъ свящ. писанія, которымъ, по вашимъ словамъ, и вы слѣдуете? Если вы правду говорите, что вы слѣдуете изреченіямъ (λόγοις) священнаго Евангелія и Апостола, — давайте, разберемъ, въ чемъ дѣло, — поставимъ надъ собою судіями иноязычныхъ инородцевъ, чтобы вамъ не показалось, что мы самовластно предвосхитимъ рѣшеніе въ свою пользу“, и т. д. — Итакъ по его словамъ выходитъ, что павликіане вообще слѣдуютъ свидѣтельствамъ священнаго писанія и въ частности принимаютъ всѣ изреченія какъ Евангелія, такъ и Апостола. Не слѣдуетъ ли послѣ этого понимать заявленіе автора объ отверженіи павликіанами священныхъ книгъ ветхаго завѣта и посланій апостола Петра только въ томъ смыслѣ, что

въ своихъ богословскихъ разсужденіяхъ и преніяхъ съ представителями господствующей церкви они настойчиво устраняли всякія ссылки на ветхозавѣтные порядки и учрежденія, которые находили по своему разумѣнію не соответствующими духу христіанства, и вообще основывали свое религіозное міровоззрѣніе исключительно на изреченіяхъ новаго завѣта, преимущественно на выраженіяхъ апостола Павла? Могло быть дѣло и еще проще: первые авторитеты павликіанъ — крестьянинъ Константинъ и царскій чиновникъ Симеонъ, безъ всякаго сомнѣнія несправедливо считавшіеся ими за своихъ первоучителей и невинные въ тѣхъ еретическихъ заблужденіяхъ, которыя впоследствии упрочились въ ихъ сектѣ, пользовались исключительно новымъ завѣтомъ потому, что книгъ ветхаго завѣта у нихъ не было; злополучный дьяконъ подарилъ Константину только двѣ книги: Евангеліе и Апостоль. То, что для нихъ было необходимо, впоследствии у нихъ почитателей стало закономъ. Въ тѣ времена, далеко предшествующія изобрѣтенію книгопечатанія, было очень трудно не только частнымъ лицамъ, но и цѣлымъ общинамъ, приобрести полный экземпляръ всей библіи. Знающимъ исторію русской церкви извѣстно, сколько протекло времени и какія нужны были усилія прежде, чѣмъ появилось въ Россіи полное собраніе библіи. Точно также въ древности нужны были долготѣнія и просвѣщенные ревностныя усилія, чтобы собрать, напримѣръ, всѣ книги ветхаго завѣта. Удивительно ли, что павликіане такого собранія не имѣли? Не въ порядкѣ ли вещей, что, привыкши между тѣмъ основывать всѣ свои соображенія на буквѣ тѣхъ книгъ священнаго писанія, которыя у нихъ были, которыя, благодаря учрежденію нотаріевъ, были очень распространены между ними и которыя дѣйствительно должны быть руководственными даже и при объясненіи книгъ ветхаго завѣта, въ преніяхъ съ нашимъ авторомъ и ему подобными лицами они устраняли поэтому всѣ ссылки на ветхій завѣтъ, котораго не имѣли у себя въ употребленіи и не знали, думая, вѣроятно, что и знать его имъ нѣтъ необходимости? — Безъ сомнѣнія, они употребляли псалмы, — нашъ авторъ влгаетъ изре-

ченія псалмовъ въ ихъ уста; можетъ быть, въ ихъ моленныхъ читались и пареміи—и изъ пророка Исаи, и изъ Бытія: но то были псалмы и пареміи; а о ветхозавѣтномъ писаніи, тѣмъ не менѣе, они могли говорить, что не знаютъ и не принимаютъ его. Итакъ я думаю, что, разсуждая о павликіанахъ, надобно оставить въ сторонѣ не только обвиненіе ихъ въ манихействѣ, но и подозрѣніе въ связи съ маркіонитами, какъ ничѣмъ достаточно не доказанное.

По моему мнѣнію, павликіанство было просто первою въ исторіи противоіерархическою, или, какъ на нашемъ языкѣ принято выражаться, безпоповщинскою, сектою. Несомнѣнно, что павликіане отвергли всѣ степени священства, то есть, не только первосвященниковъ и священниковъ, но и левитовъ, какъ называются у нашего автора діаконы. *Старцы людстии*, по ихъ словамъ, *вкупѣ собращася на Господа*. Это было ихъ дѣйствительною ересью и, по воззрѣнію тогдашнихъ церковнолюбцевъ, конечно, ересью самую нетерпимую и страшную. Въ ветхомъ завѣтѣ Корея, Даана и Авирона за подобное возстаніе противъ богоизбранныхъ священнослужителей поглотила земля со всѣми ихъ чадами, шатрами и имуществами. Въ христіанской исторіи это было также безпримѣрнымъ до той поры явленіемъ, и нашъ авторъ имѣлъ поэтому нѣкоторое право сказать, что „армянская ересь“, то есть, выродившаяся въ армянской области византійской имперіи наша павликіанская ересь, „лютѣйшии есть паче всѣхъ ересей“. Несомнѣнно также, что, отвергнувъ іерархію, они отвергли и всѣ священнодѣйствія и требоисправленія, совершаемыя ею. Весьма вѣроятно, что павликіане нашли невозможнымъ предоставить совершеніе ихъ своимъ синекдимамъ, какъ мірянамъ, по преданію не имѣвшимъ на то права, и влѣдствіе того пришли къ радикальному выводу, что богоустановленныя таинства не необходимы для спасенія, такъ какъ будто-бы подъ духовнымъ рожденіемъ водою и Духомъ можно разумѣть только принятіе вѣры во Христа, подъ причащеніемъ Его тѣла и крови—постоянное пребываніе въ Его ученіи, и т. д. Само собою разумѣется, что, разъ устранивъ себя отъ законнаго церков-

наго учительства и вступивъ на путь произвольнаго истолкованія слова Божія, они необходимо должны были съ теченіемъ времени сдѣлаться жертвою разнаго рода заблужденій. Для характеристики ихъ секты интересно между прочимъ замѣчаніе, передаваемое патриархомъ Фотіемъ, по которому, не смотря на отверженіе церковной іерархіи и таинствъ, павликіанки, тѣмъ не менѣе, въ случаяхъ смертной опасности предоставляли крестить своихъ дѣтей плѣннымъ греческимъ священникамъ, надѣясь совершеніемъ таинства возвратить имъ здоровье,—или, въ случаѣ тяжелой болѣзни взрослыхъ, вляли на нихъ образъ креста Господня, почтеніе къ которому во всѣхъ другихъ случаяхъ будто-бы отвергали.

Позвольте мнѣ, впрочемъ, мм. гг., не входить теперь въ такія подробности изслѣдованія о павликіанской сектѣ, которыя нѣсколько подтвердили бы даже высказанное мною мнѣніе о ея неприкосновенности къ манихейству или маркіонству, но въ концѣ концовъ были бы интересны только для нашихъ академическихъ упражненій, и перейти, въ заключеніе моей рѣчи, къ изложенію того, какъ современники развитія павликіанства разсуждали о причинахъ возникновенія этой ереси и о средствахъ къ ея прекращенію.

Судили разнo. Люди, подобно Петру Сицилійцу смѣшивавшіе истинные интересы Церкви съ узкими интересами духовенства, утверждали, что причиною возникновенія павликіанства было ухищреніе зловиновнаго змія—искусителя рода человѣческаго (*Petri Sic. hist.*, num. V): „діаволь, говорили, воспользовался Манесомъ, который, какъ нехристіанинъ, легко могъ сдѣлаться пригоднымъ ему орудіемъ, и спустя четыреста“, или точнѣе—пятьсотъ, „лѣтъ по смерти Манеса, пользуясь содѣйствіемъ тайныхъ манихеевъ, разлилъ ядъ своего нечестія въ слабые члены святаго тѣла Христова, т. е. Церкви“. Причина, конечно, весьма уважительная, но, безъ сомнѣнія, нѣсколько общая и въ значительной степени родственная тому воззрѣнію, по которому и павликіане отдѣлялись отъ Церкви, считая ее подчинившеюся господству міродержца—князя вѣка сего. Что же касается средствъ къ искорененію ереси, то изъ Писафія, какъ вы

уже слышали, они указывали на приговоръ грознаго суди, который, по притчѣ Спасителя (Лук. XIX, 12—27) о страшномъ судѣ, не хотѣвшихъ подчиняться его царской власти повелѣлъ привести и избить предъ собою, а изъ преданія — на похвальный отзывъ „божественнаго“ Кирилла Александрійскаго о пламенной ревности священника Финееса и пророка Илии противъ отступниковъ отъ закона Божія и пророковъ вааловыхъ, на увѣщаніе преподобнаго Симеона Дивногорца и примѣръ св. Іоанна Постника, патріарха царградскаго, — какъ это дѣлалъ, напримѣръ, ефесскій митрополитъ Теофілъ въ посланіи къ преподобному Теодору Студиту, находя поголовное избіеніе всѣхъ „манхеевъ“ превосходившею изъ всѣхъ наилучшихъ мѣръ къ утверженію Церкви. Должно, правда, замѣтить, что изъ подобнаго рода лицъ люди благородные и развитые не одобряли такихъ разсужденій. „Что ты говоришь, богочтеннѣйшій владыка?“ отвѣчала, напримѣръ, Теофілу препод. авва Теодоръ. „Господь запретилъ это, сказавъ: *ни, да не когда восторгающе плевелы, восторгнете купно съ ними и пшеницу...* А что плевелами Онъ называлъ еретиковъ, какъ тогдашнихъ, такъ и послѣдующихъ, то-есть, всѣхъ, послушаемъ Златоуста, который, изъясняя эти самыя слова, говоритъ: *что запрещаетъ Господь словами: да не когда восторгнете купно съ ними и пшеницу? Запрещаетъ войны, кровопролитія и убійства; ибо и еретиковъ убивать не должно, иначе были бы введена непримиримая война во вселенную. И далѣе: что другое выражаетъ Онъ этими словами, какъ не то, что если вы приметесь за оружіе и станете убивать еретиковъ, то неминуемо будутъ истреблены вмѣстѣ съ ними многіе и изъ святыхъ.* Это и случилось — продолжаетъ авва Теодоръ — въ наши времена: кровопролитія и убійства наполнили нашу страну, и вмѣстѣ съ другими лишены были жизни и многіе изъ святыхъ; слово Господне оказалось не тщетнымъ, какъ засвидѣтельствовали о томъ многіе. Но что я говорю: не позволительно убивать еретиковъ! Намъ не позволительно имѣ даже и зла желать... Напротивъ, нужно молиться за нихъ, какъ молился Го-

сподь во время страданія за враговъ своихъ, сказавъ: *Отче, отпусти имъ грѣхъ: не судятъ бо что творятъ...* Что же касается того, будто съ твоимъ мнѣніемъ согласны нѣкоторые святые, то, прости отче, мы неправильно понимаемъ слова святыхъ и потому оказываемся утверждающими вопреки отцамъ, или лучше, вопреки Богу. Такъ божественный Кириллъ, въ рѣчи противъ Юліана, выразился—согласно съ древнимъ закономъ, но отнюдь не смѣшивая ветхаго завѣта съ новымъ; онъ хорошо зналъ, что сказанное въ законѣ сказано для жившихъ подъ закономъ; онъ хорошо зналъ антитезъ, сдѣланный Спасителемъ: такъ *речено бысть древнимъ, Азъ же глаголю вамъ* то и то. Посему я не приму... твоихъ чрезъ мѣру ревностныхъ стремлений, хотя бы тысячу разъ ссылался ты на Финееса и Илію. Услышавъ подобныя предложенія, Господь Исусъ не одобрилъ учениковъ, отчуждавшихся кротости и благодати духовной. Онъ, нашъ божественный священноначальникъ, съ кротостію поучалъ противившихся Его божественному ученію. Надобно учить невѣдущихъ, а не казнить. Будемъ, ваше блаженство, внимать тому, что заповѣдалъ Павелъ, солнце вселенной... Еще ты, владыка святой, полагаешь, что св. Симеонъ Дивногорецъ согласенъ съ тобою? Не думай, чтобы въ самомъ дѣлѣ онъ противился Христу, или вышимъ себя учителямъ. Но что? Онъ говорилъ увѣщаніе къ тогдашнему императору о язычникахъ, мучившихъ христіанскій народъ, и просилъ, чтобы христіане не были угнетаемы самарянами. Это и хорошо. О томъ же и мы нынѣ просимъ императоровъ, чтобы они пещадно воевали противъ скивовъ и арабовъ, убивающихъ народъ Божій. Но это совсѣмъ другое дѣло... Сообщаемое тобою объ Іоаннѣ Постникѣ, предстоятелѣ константинопольскомъ, будто онъ приказалъ распять волшебниковъ на крестѣ, не кажется мнѣ истиннымъ; впрочемъ, можетъ быть, онъ и допустилъ это, такъ какъ волшебники — тѣже убійцы, съ которыми свѣтской власти не запрещено поступать по римскимъ законамъ. Но совсѣмъ другое дѣло тѣ, касательно кого Господь запретилъ такіа мѣры. Начальствующіе надъ тѣлами имѣютъ право наказывать ви-

новныхъ въ преступленіяхъ, касающихся тѣла, а отнюдь не виновныхъ въ отношеніи къ душамъ; эти послѣдніе подлежатъ суду управляющихъ душами, наказанія которыхъ суть отлученія и разнаго рода епитиміи. Такъ, владыка, думаю я смиренный; и, скажу по неразумію, даже блаженнѣйшему патріарху нашему (*Никифору*) я дерзновенно сказала, что Церковь не мститъ мечемъ, и онъ согласился съ этимъ; императорамъ же, совершавшимъ убійство, — первому изъ нихъ (*Михаилу Куропалату*) сказала: не угодно Богу такое убійство; а второму, требовавшему одобренія на убійство (*Льву Армянину*): скорѣе снимутъ мою голову, чѣмъ я соглашусь на это. Таковъ отвѣтъ отъ насъ грѣшныхъ. Святѣйшіе отцы, если вы читали другое евангеліе, котораго мы не знаемъ, то хорошо; если же нѣтъ, то разсудите, что заповѣдалъ апостоль “¹⁾”). Къ сожалѣнію, какъ ни могущественъ былъ во всѣхъ другихъ случаяхъ авторитетъ преп. аввы *Теодора* между лицами, изъ которыхъ составлялась сочувствовавшая ему правительственная партія, въ настоящемъ вопросѣ голосъ его пропадалъ почти безслѣдно въ громадномъ большинствѣ его сторонниковъ, требовавшихъ смерти еретикамъ.

Люди, строже различавшіе истинную пользу Церкви отъ сословныхъ выгодъ духовенства и не считавшіе существовавшихъ въ имперіи порядковъ божественно неизмѣнными, напротивъ — требовавшие въ нихъ разнаго рода улучшеній и преобразованій, приписывали распространеніе ересей и суевѣрій безграмотности народа и небреженію духовенства о прямыхъ обязанностяхъ своего званія. Напримѣръ. авторъ анонимнаго посланія къ императору *Константину Копрониму*, дошедшаго до насъ подъ именемъ преподобнаго *Іоанна Дамаскина*, по всей вѣроятности, иннокъ или какое нибудь духовное лицо изъ низшаго константинопольскаго клира, разсматривая между прочимъ этотъ вопросъ, говоритъ: „надобно учить безграмотный народъ.... На то и поставлены епископы, пресвитеры

¹⁾ По русск. перев. при Сиб. Духовнои Академіи, письмо 155, стр. 387—392.

и діаконы, чтобы учить народъ, какъ должно вѣровать и какъ молиться. Такъ поступали великіе свѣтильники, истинные пастыри и богоносные учителя, вожди ко спасенію. У нихъ не было другой заботы въ жизни, какъ учить народъ.... А епископы нашего времени только и заботятся, что о лошадахъ, о гуртахъ, о стадахъ, о полевыхъ угодьяхъ и денежныхъ сборахъ, какъ бы повыгоднѣе продать пшеницу, какъ разливать вино, какъ развѣшивать масло, какъ прибыльнѣе сбыть шерсть и сырецъ-шелкъ, и разматриваютъ тщательно—только цѣнность и вѣсъ монеты, наблюдая притомъ, чтобы столъ ихъ ежедневно былъ сибаритскій, съ виномъ благовоннымъ и рыбами величины необыкновенной; чтоже касается паствѣ, то о тѣлахъ своихъ пасомыхъ они пекутся, но о душахъ ихъ нѣтъ у нихъ ни малѣйшей думы. Пастыри вѣка сего истинно стали, по выраженію Писанія, волками. Какъ только замѣтятъ они, что кто нибудь въ подвѣдомой имъ паствѣ совершилъ хотя бы малый какой проступокъ, мгновенно воспринуть и разразятся всевозможными епитиміями, нисколько не помышляя приэтомъ о настоящемъ призваніи пастырскаго служенія, а относясь къ паствѣ съ расчетомъ не пастырей, а поденныхъ наемниковъ“¹⁾). Подобнаго рода люди не одобряли казни еретиковъ. Правда, они не были до такой степени либеральны, чтобы дѣлать предположенія о предоставленіи отечественнымъ еретикамъ равныхъ съ православными правъ, чувствуя, конечно, и понимая, что еретическія общины въ своихъ дѣлахъ и безъ того несравненно болѣе свободны, чѣмъ какая бы то ни было господствующая церковь, вынужденная всегда согласовать свой образъ дѣйствій съ требованіями покровительствующаго ей правительства; но въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда правительственная власть переходила въ ихъ руки, они, по крайней мѣрѣ, прекращали противъ нихъ гоненіе. Таково было правительство императора Никифора (802—811 г.), императора Михаила Косноязычнаго (820—829 г.), кесаря-регента Варды (857—867 г.), которыхъ, набож-

¹⁾ Patrolog. Cours. Complet., ser. graecae, tom. XCV,—Oration. adversus Constantinum Cabalinum num. 13 et 14, col. 329.

ные хронографы и осыпают за это и за подобныя другія распоряженія прозваніями фараоновъ, ахаавовъ, іудь-предателей и другіи такого же смысла эпитетами. Дозунгомъ всѣхъ этихъ правительствъ въ разсматриваемомъ нами отношеніи было распространеніе и улучшеніе школъ; въ образованіи народа и особенно въ образованіи духовенства они видѣли наилучшее средство къ умиротворенію религіозныхъ разногласій и прекращенію ересей.

Дѣйствительно, упадокъ образованія духовенства въ то время сознавали многіе. Въ этихъ видахъ седьмой вселенскій соборъ (787 г.) постановилъ: „всякому, имѣющему возведену быти на епископскую степень, непременно знати псалтирь;... также тщательно испытывати его митрополиту, имѣетъ ли усердіе съ размышленіемъ, а не мимоходомъ, читати священныя правила, священное Евангеліе, книгу божественнаго Апостола и все божественное писаніе;... аще же колеблется,... да не рукополагается“ (прав. 2). И едва ли кто будетъ сомнѣваться, что невѣжество народа, въ соединеніи съ невѣжествомъ небрежнаго къ своему долгу духовенства, можетъ сдѣлать его жертвою пропагандистовъ разнаго рода религіозныхъ заблужденій. Но, чтобы павликіанство было слѣдствіемъ этой именно причины, или чтобы съ развитіемъ народнаго образованія оно не имѣло себѣ болѣе мѣста, историческій опытъ рѣшительно не дозволяетъ миѣ согласиться съ этимъ. Еще во времена св. Иринейя, епископа ліонскаго, „оставляшіе проповѣдь Церкви жаловались на неученость святыхъ пресвитеровъ, не принимая въ соображеніе, что вѣрующій простецъ несравненно выше богохульнаго и безстыднаго софиста“¹⁾; однако о безпопощинѣ не было въ тѣ времена и помина не только между православнымъ, а даже и въ еретическихъ общинахъ. Молодые ученые архіереи, верховодившіе въ первое время дѣлами аріанства, также считали невѣжами старыхъ епископовъ, утвердившихъ на первомъ вселенскомъ соборѣ христіанскую истину; однако при тѣхъ блаженныхъ старцахъ, изъ которыхъ многіе были исповѣдниками

¹⁾ Противъ ересей кн. V, гл. 20, пар. 2, по русск. перев. священника Преображенскаго стр. 633.

и страдалцами за вѣру, о павликіанствѣ не было и слуху. Какъ ни успѣшно заботились вышеупомянутыя либеральныя правительства, особенно правительство Варды въ патриаршество святѣйшаго Фотія, о возвышеніи уровня образованія, армяне, то есть, павликіане, явились въ Болгарію вмѣстѣ съ греческими проповѣдниками и въ послѣдствіи такъ прочно утвердились въ ней, и даже въ предѣлахъ Оракіи, что слѣды павликіанства пережили византійскую имперію и не изгладились совершенно до нашего времени. Да и несправедливо было бы въ греческомъ духовенствѣ восьмого или девятаго столѣтія въ самомъ дѣлѣ предполагать какое-то особенное сравнительно съ другими предшествующими или послѣдующими вѣками невѣжество. Изъ этой эпохи извѣстно также не мало очень образованныхъ духовныхъ лицъ. Огульное же осужденіе всего тогдашняго высшаго духовенства въ своекорыстіи и небрежности къ долгу своего званія, слышанное нами отъ анонимнаго автора увѣщанія, обращеннаго къ Константину Кавалину, не выдерживаетъ ни малѣйшей критики. Оно вылилось изъ сердца, наболѣвшаго горечью при видѣ тогдашняго хода церковныхъ дѣлъ; но даже и въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ оно не чуждо истины, подобнаго рода явленіе не объясняетъ дѣла, а скорѣе само требуетъ объясненія. Еслибы спросить этого, очевидно, затертаго жизнью и не въ мѣру горячаго ревнителя Церкви: что сдѣлалъ бы онъ самъ и ему подобные люди, бывъ поставленъ въ то положеніе, въ какомъ стояло тогда высшее духовенство, и показалъ ли бы себя лучше другихъ; не сомнѣваюсь, онъ отвѣтилъ бы, что отдалъ бы тѣло свое на сожженіе, а не уступилъ бы силѣ: но тогда его можно было бы спросить еще: почему же, однако, въ своей запискѣ къ императору онъ не обозначилъ своего имени, а предпочелъ остаться въ скромной неизвѣстности? Апостоль Павель не осуждалъ учености не только духовной, но и свѣтской; напротивъ, онъ очень ее любилъ. Но и онъ говорилъ, что если достигнетъ способности говорить на всѣхъ языкахъ, проникнетъ всѣ тайны природы и изучитъ всѣ науки, — мало этого, если затѣмъ раздастъ все свое имѣніе и отдастъ тѣло свое на

сожженіе по ревности за вѣру, а любви не будетъ имѣть; то и тогда не принесетъ еще пользы ни себѣ, ни другимъ (1 Кор. XIII гл.).

По моему мнѣнію, причину появленія павликіанства надобно полагать въ той розни между духовенствомъ и народомъ, которая уже сильно давала себя чувствовать въ ту пору и заботы объ устраненіи которой всегда священны. Рознь же эта произошла не отъ устраненія только народа отъ законныхъ правъ избранія себѣ духовныхъ отцевъ и участія въ приходскихъ и епархіальныхъ дѣлахъ и не вслѣдствіе только отступленія отъ апостольскихъ правилъ (1 Тимоѳ. III, 1—13) избранія на священныя степени, но, можетъ быть, еще болѣе отъ той полной централизаціи церковнаго управленія и того безусловнаго подчиненія его государственной власти даже въ вопросахъ догматическихъ, до которыхъ оно было доведено въ византійской имперіи и которыхъ въ исторіи нашей отечественной церкви, благодаря Бога, никогда не было. Когда епископы, по закону, были безусловно подчинены митрополитамъ, митрополиты—точно также патріарху, а всѣ вмѣстѣ назначались на свои мѣста и удерживали ихъ—не по закону уже, но на практикѣ—не иначе, какъ съ соизволенія высочайшей власти, и когда, напримѣръ, патріархъ Константинъ Сулеоть за одно неосторожное слово о государѣ былъ публично казненъ на эшафотѣ; то, позвольте спросить, какое впечатлѣніе должно было это произвести на нравственную твердость епископовъ? Такихъ уроковъ въ тѣ времена было не мало. Или когда, вслѣдствіе того, одни и тѣже епископы, на церковныхъ ли то соборахъ, или оставаясь каждый въ своей епархіи, при императорѣ Василискѣ (476 г.) поголовно подписываютъ его догматическій циркуляръ противъ халкидонскаго собора, а при Зенонѣ, два года спустя, объявляютъ себя за халкидонскій соборъ,—при императорѣ Констансѣ II (642—668 г.) стоятъ за моноелитство, а при Константинѣ Погонатѣ (668—685 г.) за православіе, — при императорѣ Константинѣ Копронимѣ за иконоборство, а при его невѣсткѣ императрицѣ Иринѣ за иконопочитаніе, въ томъ и другомъ случаѣ единогласно благодаря представителей императорской власти, какъ

новыхъ апостоловъ, за вразумленіе и наученіе себя—грѣшныхъ; то откуда было тогда народу взять довѣріе къ своимъ архипастырямъ? Авторитетъ официальныхъ представителей церковной власти въ глазахъ народа мало по малу палъ совершенно. Въ лучшихъ случаяхъ ихъ мѣсто въ народномъ уваженіи занялъ простой монахъ-отшельникъ въ родѣ аввы Максима Исповѣдника, преподобнаго Стефана Новаго, аввы Платона, или аввы Феодора Студита, предъ значеніемъ которыхъ блѣднѣли въ народныхъ понятіяхъ даже самые почтенные изъ официальныхъ представителей церковной власти и съ которыми поэтому византійскому императорскому правительству гораздо труднѣе было ладить и гораздо болѣе было хлопотъ, чѣмъ съ патріархами. А подвернись между ними какой нибудь добродушный начетчикъ въ родѣ Константина, или экзальтированный смиренникъ-самоучка въ родѣ Сергія, съ его разглагольствіями о дарахъ духовныхъ и неизглаголаныхъ воздыханіяхъ Святаго Духа въ сердцахъ вѣрующихъ, — павликіанская безпоповщина и готова! Вы подумаете, можетъ быть, мм. гг., почему же, однако, не въ пятомъ, не въ шестомъ, а съ седьмого только столѣтія начинаются подобнаго рода явленія?—Въ пятомъ столѣтіи деревенское населеніе было еще только окрещено и почти не видало церкви; въ шестомъ окончательно было уничтожено, по крайней мѣрѣ, официальное язычество и народъ привыкъ къ церковной обрядности; въ седьмомъ попала ему въ руки церковная книга. Не образованіе, а первые шаги въ немъ народу опасны и требуютъ любовнаго отеческаго руководства.

И. Чельцовъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки